

Н. Г. КУЗНЕЦОВ

Накануне

<Фрагменты>

<...>

Большой флот — это не только корабли, но и военно-морские базы, доки, судоремонтные заводы, склады, учебные заведения и многое другое. На создание всего этого требуются немало времени и огромные средства. Программа, конечно, не могла уложиться даже в одно пятилетие. Однако нам, командующим, всю программу строительства не излагали. Не раскрывались и задачи, на решение которых она рассчитана. Разговор с командующими флотами шел больше о кораблях, постройка которых была санкционирована правительством до утверждения всей программы в целом. Эти корабли уже стояли на стапелях заводов.

В выступлениях часто подчеркивали, что проект того или иного корабля одобрен лично Сталиным. Этим давалось понять, что обсуждению он не подлежит.

Признаться, над сроками начала возможной будущей войны мы, моряки, не особенно задумывались. Нам льстило внимание правительства к флоту...

...Заседания продолжались несколько вечеров. Кроме того, мы решали в наркомате свои текущие дела. В московских учреждениях тогда было принято работать допоздна. Прием у наркома в два часа ночи считался обычным делом. Нам, дальневосточникам, это было особенно тяжело. Сидишь, бывало, в приемной и с трудом пересиливаешь дремоту: ведь во Владивостоке уже давно миновала ночь! Но нет худа без добра! В такое время особенно удобно говорить по телефону: в Москве спят, линия не занята, а во Владивостоке люди на местах.

Не все вопросы, волновавшие нас, были обсуждены на заседаниях Совета. Фриновский в узком кругу давал понять, что предстоит встреча с правительством, где будут даны важные указания на будущее.

19 декабря 1938 года заключительное заседание Совета происходило в Андреевском зале Большого Кремлевского дворца... Выступал и я. Говорил о необходимости высокой боевой готовности, о противовоздушной обороне кораблей по опыту войны в Испании.

Сталин очень внимательно слушал, задавал много вопросов, бросал реплики по ходу заседания.

Чувствовалось, что он хочет узнать мнение флотских руководителей о различных классах кораблей. Впервые, хотя и косвенно, встали вопросы о морской доктрине в связи со строительством большого флота и о тех изменениях, которые понадобится внести в наши уставы и наставления.

Помнится, Сталин критиковал формулировку о «сложных формах боя», которая была записана в приказе по боевой подготовке на 1939 год. Его мысль сводилась к тому, что «сложный бой» возможен в будущем при наличии линкоров, крейсеров и других крупных кораблей, а пока мы еще на море слабы, задачи нашего флота будут весьма ограниченными. «Лет восемь — десять нужно ждать, пока мы будем сильны на море», — сказал он.

Более конкретно обсуждался вопрос о подготовке кадров для будущих кораблей. Была высказана мысль о сверхсрочниках, о специальном подборе на флот призывников из приморских районов и вообще людей, связанных с морем еще до призыва их на военную службу.

Каждая реплика Сталина воспринималась как указание, и Наркомат ВМФ потом делал представления правительству в этом направлении. Так относительно сверхсрочников и сроков службы на флоте были вынесены решения, когда я уже работал в Москве — в мае или июне 1939 года. Мне лично довелось докладывать, какие порядки на сей счет существуют в иностранных флотах. Вот тогда и было разрешено флоту иметь неограниченный процент сверхсрочников на кораблях, хорошо их оплачивать в зависимости от сроков службы. Решено было также увеличить срок действительной службы на флоте до пяти лет. «Может быть, установить шесть лет?» — спросил Сталин. Мы возразили: шесть лет слишком много. С нами согласились.

На Главном военном совете ВМФ Сталин высказал мысль о том, что подготовка кадров — это девять десятых создания большого флота. Он советовал больше внимания уделить практической учебе будущих командиров и с этой целью, возможно, закупить за границей несколько учебных кораблей.

Ставились вопросы о строительстве военно-морских баз, вспомогательного флота, судоремонтных заводов. Слова эти не бросались на ветер. Вскоре развернулось бурное строительство на всех флотах. Тогда же зародился план перенесения торгового порта из Владивостока в Находку, и в марте-апреле 1939 года А. А. Жданов и я были специально командированы на Дальний Восток, чтобы осмотреть все на месте.

Запомнилось мне предупреждение Сталина: не ждать, когда враг нападет, надо уже сейчас изучать его возможности, его уязвимые места, повышать бдительность и боевую готовность. У североморцев он спросил: «Заходят наши корабли в Петсамо? Редко? А немцы и англичане?» Закончил разговор словами:

— Напрасно вы редко наведываетесь туда. Петсамо — это Печенга — исконно русская земля.

Мне в своем выступлении пришлось коснуться очень неприятного события — гибели эсминца¹. Все мы опасались, что нам крепко достанется. Сталин посуровел.

— Вы считаете, что было предпринято все для спасения корабля? — Все.

Я доложил, что руководитель операции С. Г. Горшков — опытный командир и в трудные минуты перехода действовал умело. Винить его в случившемся нельзя.

Сталин молча, не прерывая, выслушал мой доклад. Потом сказал, что в другой раз не отделаюсь так легко. Но было решено под суд никого не отдавать. Признаться, мы ожидали худшего. Я понял, что гроза миновала.

На следующий день правительство устроило для моряков прием. В Грановитой палате все было торжественно. Мы, молодые руководители флотов, впервые так близко встретились с руководителями партии и правительства. Нас хвалили, говорили, что перед флотом открываются необычайно широкие перспективы. Провозглашались тосты за Сталина, за моряков и командующих флотами. Мы отвечали горячими, до боли в руках, аплодисментами.

То, что происходило в Кремле, поднимало настроение, воодушевляло в глубоко врезалось в память. Мы долго потом вспоминали этот прием.

<...>

Меня принял И. В. Сталин. Когда я вошел в кабинет, он стоял у длинного стола, за которым сидели несколько членов Политбюро. Перед ним лежали какие-то бумаги. Он заговорил не сразу. Неторопливо постучал трубкой о край пепельницы, взял большой красный карандаш и что-то написал на бумаге, лежавшей сверху. Затем пристально посмотрел на меня: — Ну, садитесь.

Не очень уверенно я подошел к столу. Я видел Сталина не впервые, но никогда раньше не имел возможности внимательно и долго разглядывать его так близко.

Он был почти такой, как на портретах, и все же не совсем такой. Я представлял себе, что он крупнее, выше ростом. В тихом голосе и медленных жестах чувствовалась большая уверенность, сознание своей силы.

Некоторое время он тоже внимательно смотрел на меня, и я, признаться, робел под этим взглядом. Прежде я только мысленно разговаривал со Сталиным. Когда мне не удавалось добиться чего-нибудь необходимого для флота или я получал указания, с которыми внутренне был не согласен, тогда думал: «Вот попасть бы к Сталину, доложить ему лично, он понял бы и помог».

Теперь я был у него. Докладывать мне не пришлось. Он спрашивал — я отвечал. О службе на Тихом океане и нашем флоте, о том, как, по моему мнению, работает наркомат. Почему-то Сталин особенно интересовался моим мнением о Галлере и Исакове. Я с уважением относился к тому и другому. Они были опытными руководителями и пользовались авторитетом у моряков. Так я ему и сказал:

— Как вы смотрите на работу в Москве? — спросил он в конце разговора.

У меня, признаться, на сей счет не было определенного взгляда.

— В центре я не работал, да и не стремился к этому, — ответил я коротко. — Ну, идите, — отпустил меня Сталин. Когда я вернулся в гостиницу, было уже около трех утра.

На следующее утро меня вызвали на экстренное заседание Главного военного совета ВМФ. Повестку дня не сообщили.

Заседание открыл П. И. Смирнов-Светловский и сразу же предоставил слово А. А. Жданову.

— Предлагаю обсудить, соответствует ли своей должности первый заместитель наркома Смирнов-Светловский, — объявил неожиданно Жданов.

Смирнов, сидевший на председательском месте, помрачнел и опустил голову. Прений не получилось. Опять слово взял А. А. Жданов:

— В Центральном Комитете есть мнение, что руководство наркоматом следует обновить. Предлагается вместо Смирнова-Светловского первым заместителем наркома назначить товарища Кузнецова.

Жданов посмотрел в мою сторону. Повернулись ко мне и другие члены Совета. Несколько голосов не очень уверенно поддержали предложение.

В тот же день мне был вручен красный пакет с постановлением о назначении на новую должность.

<...> Мы условились принимать и сдавать дела на другой день. На следующее утро, как было условлено, встретились. Поработали несколько часов и решили встретиться еще раз. Я думал, что передача дел займет три дня. Утром Петр Иванович в наркомат не пришел. Я ждал его час, два, три... Так и не дождался. Мне просто вручили ключ от сейфа. Только тогда я понял смысл слов, сказанных накануне Сталиным, когда я по его приказанию позвонил по телефону. «Вы еще не приняли дела?» — спросил он. «Нет еще». «Торопитесь, а то не успеете», — сказал Сталин и повесил трубку.

Итак, я стал первым заместителем Народного комиссара Военно-Морского Флота...

<...> Чтобы решить для себя, с чего лучше начать, я пригласил начальника Главного морского штаба Л. М. Галлера и попросил ознакомить меня подробно с организацией наркомата, рассказать о людях, о положении на флотах. Однако полностью втянуться в работу не удалось.

А. А. Жданов сообщил, что ему и мне предложено срочно выехать во Владивосток и Хабаровск для подготовки некоторых вопросов.

Я принялся было объяснять, что в Москве скопилась куча нерешенных дел, но он прервал меня:

— Бумаги могут подождать. Советую вам и не заикаться о них у товарища Сталина.

Поездка была намечена на 28 марта, времени оставалось в обрез. А тут позвонил нарком Иван Федорович Тевосян, настаивая на немедленной встрече. Оказалось, уже несколько недель никто не решает даже самых срочных вопросов, связанных с утверждением проектов и испытанием кораблей.

Полчаса спустя Тевосян сидел у меня. То было наше первое знакомство, и уже тогда я почувствовал, что с Иваном Федоровичем мы сработаемся. Действительно, нам, морякам, в ту пору повезло: во главе судостроительной промышленности оказался человек, обладавший государственным умом, огромной энергией и работоспособностью.

Чем дальше обсуждали мы с Тевосяном ход строительства боевых кораблей, тем отчетливее, яснее вырисовывалась передо мной программа создания большого флота, о которой в то время знали немногие.

Программа создания большого флота, хотя о ней и говорилось не раз, держалась в секрете и широко не обсуждалась. Она была утверждена «волевым порядком». Сталин дал свои указания, и дело запустили. Корабли закладывали, не дожидаясь утверждения проектов. В Ленинграде и Николаеве на стапелях росли корпуса гигантов линкоров и тяжелых крейсеров. Первые крейсера типа «Свердлов»² достраивались у стенок заводов. Эсминцы и подводные лодки в большом числе предъявлялись к сдаче. Одни проходили швартовые испытания, другие уже отправлялись в море для окончательной ходовой проверки. То, что я слышал о строительстве, будучи еще на Дальнем Востоке, то, о чем упоминали на заседаниях Главного военного совета ВМФ, было лишь частностями, деталями этой программы.

<...>

<...> Прошло некоторое время, и доступ к Сталину стал весьма затруднителен, а без него решать важнейшие флотские вопросы никто не брался.

Но в «медовые» месяцы я частенько бывал «наверху», и мне без особых затруднений и задержек удавалось разрешать неотложные дела: И. В. Сталин уделял немало внимания судостроительной программе и очень интересовался флотом.

Чуть не каждую неделю проходили тогда совещания по кооперированным поставкам для судостроения. От нас, моряков, и И. Ф. Тевосяна — наркома судостроительной промышленности требовали срочно представить на утверждение правительства проекты кораблей, которые уже строились, планы создания военно-морских баз, судоремонтных заводов, доков, складов — всего, что необходимо большому флоту.

<...>

В 1940 году Либава восстанавливалась как база советского флота. Но нельзя было пренебрегать уроками истории. Возник

вопрос: какие же корабли сосредоточить в ней? В обсуждении его участвовали самые высокие инстанции. Предлагалось направить в Либаву линкор. Я всячески отговаривал от этого. Сталин выслушал молча, но прямого указания не дал. В итоге остановились на предложении перебазировать в Либаву отряд легких сил, бригаду подводных лодок и несколько других кораблей.

Мы сознавали, что этих сил для Либавы слишком много, и, когда стала возрастать угроза войны, предложили перевести часть кораблей в Ригу. Так как точка зрения И. В. Сталина на сей счет была известна, я не решался отдать приказ об этом без санкции свыше. Пришлось оформить специальное постановление Главного военно-морского совета и обратиться в правительство. Официального ответа не последовало.

Я получил это согласие лишь после личного доклада И. В. Сталину. Поэтому мы перебазировали под Ригу часть легких надводных сил и подводных лодок буквально за несколько недель до начала войны. Но и после этого в Либаве осталось еще много наших кораблей. При массированных налетах вражеской авиации и быстром наступлении сухопутной армии на город они оказались в крайне тяжелом положении и понесли значительные потери. Когда положение Либавы стало безнадежным, корабли, находившиеся в ремонте и лишенные возможности выйти в море, пришлось уничтожить.

Разумеется, посетив Либаву впервые, я не мог предугадать, как там могут сложиться дела, но меня не покидало беспокойство за базу. Оно не уменьшилось и после осмотра ее акватории, торгового порта, города. Акватория оказалась мала, корабли стояли скученно, как на пяточке. Рассредоточить их было трудно. А у меня после войны в Испании и хасанских события постоянно возникал вопрос: «Что будет с кораблями в случае воздушного налета?»

Для обороны Либавы с моря строились береговые батареи. Работы шли полным ходом. Видно было, что базе обеспечена надежная защита с моря. Но с сухопутным направлением дела обстояли неважно. Командир базы своих войск не имел, а армейские части стояли далеко. Мы с комфлотом решили добиваться усиления сухопутного гарнизона. Не сразу нам это удалось, но в конце концов настояли на своем — в Либаву была направлена 67-я стрелковая дивизия. Однако вопрос о взаимодействии сухопутных частей с военно-морскими силами до конца решен не был. Мы — Наркомат ВМФ и Наркомат обороны — дали лишь общие указания на сей

счет. А ведь успех военных действий зависит от того, насколько продумана, предусмотрена каждая деталь,

<...>

Позднее Л. М. Галлер рассказывал мне об одном из совещаний, состоявшемся в конце 1936-го или в начале 1937 года. Командующих флотами пригласили в правительство, но о чем пойдет речь, они узнали только в кабинете Сталина. Там были поставлены вопросы: какие корабли и с каким вооружением надо строить? с каким противником скорее всего придется встречаться этим кораблям в боевой обстановке?

Командующие единодушно высказались за строительство подводных лодок. Но далее, когда речь пошла о надводном флоте, их мнения разделились. Командующий Тихоокеанским флотом М. В. Викторов стоял за крупные корабли, ссылаясь на большие пространства Дальневосточного театра, где, по его мнению, надо было иметь самый мощный корабельный состав. Командующий Черноморским флотом И. К. Кожанов был за то, чтобы наряду с крейсерами и эсминцами строить как можно больше торпедных катеров. «Вы сами еще не знаете, что вам нужно», — якобы заметил И. В. Сталин.

Так или иначе, первый вариант программы Наркомат обороны представил правительству в 1937 году. Его доложили Сталину. Внесли изменения, которые он предложил, и снова доложили. Получив «добро», приступили к делу, не дожидаясь уточнения деталей.

Утверждения не последовало, но практические мероприятия по проектированию новых кораблей и подготовка к закладке их развернулись в широких масштабах. Было это еще при Наморси В. М. Орлове. Короткое время программой занимался М. В. Викторов и докладывал свои соображения Наркому обороны. В самом конце 1937 года был создан отдельный Наркомат ВМФ и П. А. Смирнов назначен народным комиссаром. Ему не удалось внимательно и детально разобраться в программе. Торопили. Машина уже находилась на полном ходу. Все вопросы были предрешены. В самом начале 1938 года он подписал представление проекта программы в правительство. В чем заключался смысл этой программы?

После обсуждения в течение последнего года было решено строить линкоры, тяжелые крейсера, крейсера в другие классы надводных кораблей, то есть крупный надводный флот. Строи-

лось и большое количество подводных лодок. Не исключалась и постройка авианосца, но она откладывалась только на последний год пятилетки. Объясняли это, помню, сложностью создания кораблей такого класса и специальных для них самолетов. Но факт остается фактом: решили строить крупный надводный флот, не оценив значения авианосцев, хотя во всем мире они уже стали одним из важнейших классов надводных кораблей и центр тяжести переносился на них.

<...>

Предвоенную же программу, как я уже говорил, потом немало критиковали, и, видимо, не без основания. Теперь, разумеется, легче, чем три десятилетия назад, судить о вей, критиковать ее, находить в ней недостатке. Время разрешило прежние сомнения и споры. Но и в ту пору следовало бы яснее предвидеть главное направление развития флота. Может быть, сейчас не стоит слишком строго судить авторов программы за то, что они вообще не отказались от линкоров. Время для этого тогда еще не настало. Но бесспорно одна — надо было отдать предпочтение наиболее современным кораблям. Непростительно и другое — в программе не придали никакого значения авианосцам. Представим себе на минуту, что во второй половине сороковых годов программу удалось бы завершить. Мы имели бы большие эскадры с линкорами, но... без единого авианосца. Разве смогли бы они выйти далеко в море?³

Уклоняясь немного в сторону, напомним некоторые события второй мировой войны. В декабре 1941 года японцы разгромили американский флот в Пёрл-Харборе, широко используя самолеты с авианосцев. Тогда многие были склонны отнести этот успех за счет неожиданности нападения: дескать, не будь американские линкоры застигнуты врасплох, они не понесли бы таких потерь. Но в 1942 году, после боя у острова Мидуэй в Тихом океане, всем стало ясно, насколько изменился характер морского боя и какая ударная сила в лице авиации появилась на море. Счастливый случай помог тогда американцам нанести смертельный удар по авианосцам противника и сохранить свои. Это решило не только исход боя, но и стало поворотным пунктом в американо-японской борьбе на Тихом океане. Японский адмирал Ямамото вынужден был отступить, хотя его линкоры и не утратили боеспособности. Без авиации он не мог рассчитывать на успех. Так история вынесла свой приговор линкорам. Наша программа составлялась задолго

до этих событий. Но и тогда уже было очевидно, что авианосцы необходимы хотя бы для защиты линкоров.

Я знаю, что И. С. Исаков и Л. М. Галлер, участвовавшие в разработке программы, понимали истинное значение авианосцев. Но они не могли отстоять свою точку зрения. К ним не особенно прислушивались в тогдашнем Наркомате обороны (первоначально программу верстал этот наркомат), а И. В. Сталин, который обычно считался с мнением специалистов, почему-то недооценивал роль авианосцев. Я неоднократно убеждался в этом при обсуждении флотских дел, особенно при утверждении проектов кораблей в 1939 году.

То же самое произошло несколько позже, при рассмотрении проекта другой, послевоенной программы. В проект были включены крупные и малые авианосцы, но по личному указанию Сталина исключили сначала крупные, а затем и малые корабли этого класса.

Мне хорошо запомнился случай, когда на просьбу увеличить средства ПВО на кораблях И. В. Сталин заметил: «Воевать будем не у берегов Америки...» Все это объяснялось, как мне кажется, тем, что он недооценивал опасность для кораблей с воздуха.

Поразительно и то, что к этому вопросу не изменилось отношение и после Великой Отечественной войны.

Как-то значительно позже мы предлагали заменить на некоторых крейсерах одну башню главного калибра зенитной установкой, что значительно усилило бы противоздушные средства корабля. Но предложение это было решительно отвергнуто.

Вместе с тем у Сталина было особое, трудно объяснимое пристрастие к тяжелым крейсерам. Я об этом узнал не сразу. На одном из совещаний я сделал несколько критических замечаний по проекту тяжелых крейсеров. Когда мы вышли из кабинета, руководящий работник Наркомсудпрома А. М. Редькин предупредил меня:

— Смотрите, не вздумайте и дальше возражать против этих кораблей. — И доверительно пояснил, что Сталин не терпит малейших возражений против тяжелых крейсеров и обещал строго наказывать любого, кто будет возражать против них.

Когда после войны обсуждались вопросы строительства флота и ракет еще не было, мы, моряки, настаивали на том, чтобы строить крейсера не более чем с девятидюймовыми орудиями. Такие крейсера могли с успехом бить все корабли своего класса и были бы относительно невелики и недороги. И. В. Сталин долго колебался, прежде чем принять предложение моряков. Правда,

в конце концов принял его. А в 1949 году, уже будучи на другой работе, я узнал, что по его настоянию все-таки был заложен один тяжелый крейсер с двенадцатидюймовой артиллерией.

Об увлечении И. В. Сталина линкорами я знал и раньше. Однажды осенью 1939 года мы были у него на даче. Помнится, из Таллина приехали К. А. Мерецков и И. С. Исаков. Когда официальная часть разговора окончилась, за ужином зашла речь о Балтийском театре. Я высказал свое сомнение относительно линкоров — не о том, нужны ли в принципе такие корабли, а конкретно, следует ли их строить для мелководного Балтийского моря, где линкоры легко могут подрываться на минах.

Сталин встал из-за стола, прошелся по комнате, сломал две папиросы, высыпал из них табак, набил трубку, закурил.

— По копейке соберем деньги, а построим, — чеканя каждое слово, проговорил он, строго глядя на меня.

Я подумал, что у него есть какие-то свои планы, делиться которыми он не считает нужным. Возможно, так оно и было.

<...>

Бывая в Кремле, я мельком слышал отдельные замечания И. В. Сталина или В. М. Молотова, что немцы стали вести себя по отношению к нам хуже, чем раньше. Однако серьезного значения этому пока не придавалось.

Мне было известно, что в Германию мы поставляем зерно, нефть, марганец. Наши представители закупали у нее нужные нам механизмы, оборудование и приборы. Для Военно-Морского Флота приобретались большие плавучие краны. Они были необходимы для установки корабельной и береговой артиллерии крупного калибра. Правда, фирма «Демаг» еще не успела поставить нам ни одного крана. Одним словом, провожая делегацию, я не думал, что именно ее поездка станет переломным моментом в наших отношениях с Германией и что договор вскоре превратится в простой клочок бумаги. Гитлер уже начал свои разглагольствования о мировом господстве, о неизбежном поражении Англии... А Молотову, высказавшему удивление по поводу посылки немецкой миссии в Румынию и концентрации немецких войск в Финляндии, фюрер объяснил: дескать, миссия в Румынию послана по просьбе Антонеску, а войска через Финляндию следуют в Норвегию. Но факты говорили о другом. Немцы прочно оседали на наших границах.

И. В. Сталин в ту пору стал более открыто высказывать недовольство поведением Гитлера: мол, немцы просят больше поста-

вок, а сами нарушают свои обязательства да к тому же еще ведут подозрительную возню на границах.

Наши представители — моряки — доносили из Германии, что их стали ограничивать в передвижении по стране, отказались показать те объекты, которые раньше сами предлагали осмотреть.

Баумбаха, еще более любезного, чем прежде, начали вдруг подозрительно интересоваться сведениями о нашем флоте. Однажды он «поинтересовался» данными об условиях плавания по Северному морскому пути. Я приказал морякам впредь отказываться в удовлетворении подобного любопытства.

Исходя из международной обстановки, партия и правительство принимали самые энергичные меры для укрепления обороноспособности страны. На нужды обороны выделялись, по существу, неограниченные средства. Промышленность резко увеличила выпуск новых самолетов, танков, различных орудий и кораблей (кроме крупных). Это сыграло большую роль в годы войны и в конечном итоге обеспечило нашу победу, несмотря на трудности, связанные с перебазированием заводов в восточные районы. Однако, заботясь об укреплении обороноспособности страны, наш наркомат и Главный морской штаб все еще не имели четких указаний относительно повышенной боевой готовности флотов, о предполагаемых совместных действиях флота с другими родами войск.

В самом конце 1940 года я докладывал правительству о базировании кораблей на Балтике. Зима стояла на редкость суровая. Все базы, включая Таллин, замерзли. Речь шла об использовании Балтийским флотом Либавы. Пользуясь случаем, я попытался выяснить точку зрения руководства на возможность конфликта с гитлеровской Германией, сказав, что флоту нужна ориентировка в этом вопросе.

— Когда надо будет, получите все указания, — коротко ответил Сталин.

<...>

Мне хочется еще вспомнить, как произошло разделение Балтийского флота на два: восьмой и четвертый.

Однажды в конце января 1946 года И. В. Сталин приказал мне позвонить ему по телефону.

— Мне кажется, Балтийский флот надо разделить на два флота, — неожиданно начал он.

Я попросил два-три дня, чтобы обдумать это предложение. Он согласился. Посоветовавшись со своими помощниками, я до-

ложил Сталину мнение моряков: Балтийский морской театр по своим размерам невелик, поэтому на нем целесообразнее иметь одного оперативного начальника. Имея в своем распоряжении все боевые корабли, он может эффективнее использовать их в нужном направлении. Базируясь в Рижском заливе, наши корабли совершенно свободно могут действовать как в южной части Балтики, так и в Финском заливе. Но делать это удобнее, когда флот не разделен.

И. В. Сталин ничего не ответил, но явно недовольный повесил трубку. Неделью-две спустя по указанию Сталина в Наркомате ВМФ было созвано специальное совещание, на которое прибыли А. И. Микоян и А. А. Жданов. Не передавая прямого приказа, Андрей Александрович, однако, намекнул собравшимся, что мнение Сталина расходится с мнением Наркома ВМФ, то есть с моим. Согласившийся, было, со мной на предварительном совещании, Жданов занял диаметрально противоположную позицию, узнав мнение Сталина по этому вопросу. В этой обстановке голоса разделились. Адмирал И. С. Исаков, к моему большому удивлению, присоединился к мнению Жданова. Так же поступил и адмирал Г. И. Левченко. Только начальник Главного морского штаба адмирал С. Г. Кучеров стоял на позициях своего наркома.

В конце совещания я заверил Микояна и Жданова, что мы наилучшим образом выполним то приказание, которое получим, но считал бы необходимым еще раз лично доложить И. В. Сталину о нецелесообразности разделения Балтийского флота. На том и разошлись.

Я впервые почувствовал, что не нахожу поддержки у своих заместителей. Кое-кто побоялся «взять круто к ветру» и, «потравив шкоты», предпочел «идти по ветру». Все знали, что мнения, высказанные на совещании, будут известны Сталину.

На следующий день меня и моих заместителей, И. С. Исакова, Г. И. Левченко и С. Г. Кучерова, вызвали в кабинет Сталина. Едва мы вошли, я понял: быть грозе. Сталин нервно мерил шагами кабинет. Не спросив нашего мнения, не выслушав никого из нас, начал раздраженно: — За кого вы нас принимаете?..

На меня обрушился далеко не вежливый разнос. Я не выдержал: — Если не пригоден, то прошу меня снять... Все были ошеломлены. В кабинете воцарилась гробовая тишина. Сталин остановился, бросил взгляд в мою сторону и отдельно произнес: — Когда надо будет, уберем.

Несколькими месяцами позднее меня сняли с должности. Балтийский флот разделили на два, хотя никому из исполнителей эта новая организация не была понятна. Лишь в 1956 году удалось исправить эту ошибку.

До Великой Отечественной войны, как известно, нашей стране пришлось участвовать в нескольких военных кампаниях. Руководство ими осуществлялось распоряжениями, поступавшими из кабинета И. В. Сталина. Нарком обороны на деле не был Верховным Главнокомандующим, а Нарком Военно-Морского Флота не являлся главнокомандующим флотами. Все решал И. В. Сталин. Остальным предоставлялось действовать в соответствии с принятыми им решениями.

При таком порядке люди отвыкали от самостоятельности и приучались ждать указаний свыше. Работа военного аппарата в такой обстановке шла не планомерно, а словно бы спазматически, рывками. Выполнили одно распоряжение — ждали следующего. Вспоминается финская кампания. Постоянно действующего органа — ставки или штаба, который координировал бы действия армии, флота, авиации, не было. В кабинете И. В. Сталина обычно находились Нарком обороны и начальник Генерального штаба. Вызывали еще кого-нибудь из исполнителей. Там и принимались крупные решения.

Случалось, мы узнавали о намеченных операциях, когда и времени на подготовку почти не оставалось. Иногда меня просто приглашал Нарком обороны К. Е. Ворошилов и сообщал, что решено то-то и то-то.

Как-то в ходе финской войны у И. В. Сталина возникла мысль послать подводные лодки к порту Або, расположенному глубоко в шхерах. Так и решили, не посоветовавшись с морскими специалистами. Я вынужден был доложить, что такая операция крайне трудна.

— Мы можем с известным риском послать подводные лодки в Ботнический залив, — доказывал я, — но незаметно подойти к самому выходу из Або по узкому шхерному фарватеру почти невозможно.

Прекратив разговор со мной, Сталин тут же вызвал начальника Главного морского штаба Л. М. Галлера и задал ему тот же самый вопрос. Сперва Лев Михайлович смешался и ничего определенного не ответил. Но несколько поколебавшись все же подтвердил мою точку зрения:

— Пробраться непосредственно к Або очень трудно. Задание подводникам было изменено, На этом и других примерах я убедился; со Сталиным легче всего было решать вопросы, когда он находился в кабинете один. Тогда он спокойно выслушивал тебя и делал объективные выводы.

К слову сказать, я заметил, что Сталин никого не называл по имени и отчеству. Даже в домашней обстановке он называл своих гостей по фамилии и непременно добавлял слово «товарищ». И к нему тоже обращались только так: «товарищ Сталин». Если же человек, не знавший этой его привычки, ссылаясь, допустим, на А. А. Жданова, говорил: «Вот Андрей Александрович имеет такое мнение...» — И. В. Сталин, конечно, догадываясь, о ком идет речь, непременно спрашивал: «А кто такой Андрей Александрович?..»

Исключение было только для Б. М. Шапошникова. Его он всегда называл Борисом Михайловичем...

Финская кампания выявила крупные недостатки не только в боевой подготовке наших войск и флота. Она показала, что организация руководства военными действиями не была достаточно отработана и в центре.

На случай войны — большой или малой — надо заранее знать, кто возглавит Вооруженные Силы, на какой аппарат можно будет опираться: на специально созданный орган или Генеральный штаб? Эти вопросы отнюдь не второстепенные. От их решения зависит четкая ответственность за подготовку к войне и ведение самой войны. Стоило по-настоящему взяться за это звено еще в мирное время, как потянулась бы длинная цепь других проблем, которые следовало решить заранее в предвидении возможной войны.

Нельзя сказать, что в последние предвоенные месяцы вышестоящие инстанции мало занимались военными вопросами. Я уже говорил о том, как много делалось в тот период. Но не могу припомнить случая, чтобы где-нибудь поставили естественный и само собой напрашивающийся вопрос: а что, если война разразится в ближайшее время? Не возникали и такие вопросы: готовы ли наши Вооруженные Силы встретить во всеоружии врага? Какой конкретно орган возглавит оборону и кто персонально готовится к выполнению обязанностей Верховного Главнокомандующего?

Вспоминается финская война. Председателем Совнаркома тогда был В. М. Молотов, а вся власть фактически сосредоточивалась

в руках Сталина. Не занимая официального поста в правительстве, он руководил всеми военными делами.

Получив суровый урок зимой 1939/40 года, мы не сделали, к сожалению, всех выводов. Поэтому положение в центральном аппарате мало изменилось и к моменту нападения на нас фашистской Германии.

Лично я рассуждал примерно так: «Коль в мирное время не создано оперативного органа, кроме существующего Генерального штаба, то, видимо, во время войны аппаратом Ставки станет именно он — Генеральный штаб. А Ставка? В нее, надо думать, войдут крупные государственные деятели. Значит, возглавлять ее должен не кто иной, как сам Сталин».

Но какова будет роль Наркома обороны или Наркома Военно-Морского Флота? Ответа на этот вопрос я не находил.

Что же получилось на самом деле? Со свойственным И. В. Сталину стремлением к неограниченной власти он держал военное дело в своих руках. Системы, которая могла бы безотказно действовать в случае войны, несмотря на возможный выход из строя отдельных лиц в самый критический момент, не существовало. Война застала нас в этом отношении не подготовленными.

Ставка Главного Командования Вооруженных Сил во главе с Наркомом обороны С. К. Тимошенко была создана 23 июня 1941 года, то есть на второй день войны. И. В. Сталин являлся одним из членов этой Ставки.

Считаю, было бы лучше, если б Ставку создали, скажем, хотя бы за месяц до войны. Оснований для этого в мае — июне 1941 года имелось достаточно. Учреждение Ставки и ее сбор даже в канун войны, 21 июня, когда И. В. Сталин, признав войну весьма вероятной, давал указание И. В. Тюленеву (около 14 часов) и Наркому обороны с начальником Генерального штаба (около 17 часов) о повышении боевой готовности, сыграло бы свою положительную роль, и начало войны тогда могло быть другим.

Первые заседания Ставки Главного Командования Вооруженных Сил в июне проходили без Сталина. Председательство Наркома обороны маршала С. К. Тимошенко было лишь номинальным. Как члену Ставки, мне пришлось присутствовать только на одном из этих заседаний, но нетрудно было заметить: Нарком обороны не подготовлен к той должности, которую занимал. Да и члены Ставки тоже. Функции каждого были не ясны — положения о Ставке не существовало. Люди, входившие в ее состав, совсем

не собирались подчиняться Наркомату обороны. Они требовали от него докладов, информации, даже отчета о его действиях. С. К. Тимошенко и Г. К. Жуков докладывали о положении на сухопутных фронтах. Я всего один раз, в конце июня, доложил обстановку на Балтике в связи с подрывом на минах крейсера «Максим Горький» и оставлением Либавы, хотя и был членом Ставки.

10 июля учредили Ставку Верховного Командования. 19 июля, почти через месяц после начала войны, Сталин был назначен Наркомом обороны, и 8 августа Ставка Верховного Командования Вооруженных Сил была переформирована в Ставку Верховного Главнокомандования. И. В. Сталин занял пост Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами. О его назначении знали тогда немногие. Только после первых успехов на фронтах в сообщениях, публиковавшихся в печати, Сталина стали называть Верховным Главнокомандующим.

В состав Ставки Верховного Главнокомандования я в то время не входил. Практически я этого не ощущал: как и раньше, вызывался в Ставку только по вопросам, касавшимся флота. В состав Ставки меня снова ввели лишь 17 февраля 1945 года...

... В первой декаде июля меня вызвали в кабинет С. К. Тимошенко, и там я после значительного перерыва в первые дни войны встретился со Сталиным. Он стоял за длинным столом, на котором лежали карты — только сухопутные, как я успел заметить. — Как дела на Балтике? — спросил Сталин. Я хотел развернуть карту Балтийского моря и доложить обстановку, но оказалось, что в данный момент его интересовала лишь оборона Таллина и островов Эзель и Даго. Он спросил меня, нельзя ли вывезти с островов артиллерию, чтобы усилить ею сухопутные войска.

Я ответил, что шансов на успешную эвакуацию орудий береговой обороны мало. Они нанесут врагу больший урон там, где установлены, — на островах. Сталин согласился. На том разговор закончился.

Насколько помню, вопрос об артиллерии зашел тогда в связи с созданием оборонительной полосы в районе Вязьмы. Мы выделили туда два дивизиона морской артиллерии. Командующий артиллерией фронта Л. А. Говоров сам выбрал места установки орудий. Вместе с армейскими частями моряки готовились встретить врага.

До конца июля — точнее до первой бомбежки Москвы — члены Ставки иногда собирались в кабинете Сталина в Кремле. Он имел

обыкновение вызывать на заседания Ставки лишь того, кого находил нужным. По сути дела, и в самой Ставке установилось полное единовластие. Стиль руководства в то время не был по-военному четким. Я видел, как Сталин по простому телетайпу связывался из своего кабинета с фронтами. Он не считал необходимым отдавать приказания, соблюдая порядок подчиненности. Вызывал непосредственного исполнителя, часто не ставя в известность даже его начальника. Понятно, что в исключительных случаях можно было так поступать, но делать это правилом недопустимо. Недооценка системы и организации в руководстве со стороны Сталина оставалась до конца его дней.

Я, как Нарком ВМФ, ощущал подобный подход к делу очень часто. В мирное время многие вопросы, касающиеся всех Вооруженных Сил, в том числе и флота, нередко решались без моряков, без учета нашей специфики. В годы войны с этим стало еще сложнее. Флоты, как правило, оперативно подчинялись фронтам и получали приказы оттуда. Ввиду отсутствия положения о том, что такое оперативное подчинение (директива об этом вышла только 4 апреля 1944 года), фронты нередко вмешивались во внутреннюю жизнь флотов. Приходилось за этим следить и всеми путями исправлять положение.

Ставка и созданный 30 июня Государственный Комитет Обороны еще долго переживали организационные неполадки, неизбежные в период становления. В дальнейшем их организация улучшилась. У Ставки завязались более тесные отношения с командующими фронтами. Сталин внимательно прислушивался к их мнению. Все крупные операции, например, Сталинградская, Курская и другие, подготавливались уже совместно с фронтами. Несколько раз мне довелось наблюдать, как вызванные к Сталину командующие фронтами не соглашались с его мнением. Нередко в подобных случаях он предлагал еще раз взвесить, продумать, прежде чем принять окончательное решение. Часто Сталин соглашался с мнением командующих. Мне думается, ему даже нравились люди, имевшие свою точку зрения и не боявшиеся отстаивать ее.

В случаях разногласий отрицательную роль, как правило, играли отдельные его ближайшие сотрудники. Они, менее сведущие, чем он сам и командующие фронтами в военном деле, обычно советовали не противиться и соглашаться со Сталиным. Так было в больших и малых делах, в мирное время и в годы войны. Поэтому, как я уже говорил, у меня сложилось твердое убеждение,

что лучше решать вопросы было тогда, когда Сталин находился один. К сожалению, за все годы работы в Москве у меня было всего два-три таких случая.

Центральный военный аппарат претерпел немало изменений и стал более гибким. Нашел свое место и Генеральный штаб, с которым Сталин считался. Без докладов начальника Генштаба не принимались никакие решения.

Почему же все-таки столь трудно складывалось управление боевыми действиями на фронтах в начале войны?

Мне думается, потому, что не было четкой регламентации прав и обязанностей среди высоких военачальников и высших должностных лиц страны. А между тем именно они должны были знать свое место и границы ответственности за судьбы государства. Ведь в ту пору мы были уже уверены, что в предстоящей войне боевые операции начнутся с первых же ее часов и даже минут. В этом убеждали нас опыт и Первой мировой войны, и события в Испании, и главным образом начавшаяся в 1939 году вторая мировая война.

Мне думается, неправильной была просуществовавшая всю войну система выездов на фронты представителей и уполномоченных Ставки. Обычно их посылали на тот или иной фронт перед крупными операциями, и там они нередко подменяли собой командующих. Тем самым словно бы подчеркивалось недоверие к организации дела на фронтах.

Для военных людей давно уже стало азбучной истиной: с первых минут войны следует ожидать мощных ударов авиации. Следовательно, связь и коммуникации, особенно в прифронтовой полосе, могут быть сразу же нарушены. От местного командования потребуются умение действовать самостоятельно, не дожидаясь указаний сверху. Все указания, какие только возможны, надо дать заблаговременно, еще в мирную пору. Однако из-за того, что не было четкой организации в центре, многие вопросы оставались нерешенными и на местах. Так и для Военно-Морского Флота ряд важных вопросов оставался нерешенным. Какому фронту будет подчинен тот или иной флот в случае войны? Как будет строиться их взаимодействие?

Мы, к сожалению, как и Наркомат обороны, не имели четких задач на случай войны. Все замыслы высшего политического руководства хранились в тайне. Если бы перед войной были проведены более широкие совещания военных руководителей, заслушаны их мнения и заслушаны откровенные доклады о готовности Во-

оруженных Сил, мы избежали бы многих неприятностей в начальный период. В результате только таких совещаний могли быть поставлены и правильные задачи всем видам Вооруженных Сил.

В те годы мы все относились к И. В. Сталину как к непререкаемому авторитету. У меня, например, не возникало никаких сомнений в правильности его действий. Раздумья о правомерности отдельных решений Сталина по военным вопросам пришли гораздо позднее. Однако справедливости ради следует подчеркнуть: пережив трагическую обстановку первых дней войны. Сталин оказался на высоте во все последующие годы. Он понял характер современных операций и прислушивался к советам полководцев. Совершенно неверно утверждение, будто бы он по глобусу оценивал обстановку и принимал решения. Я мог бы привести много примеров, когда Сталин, уточняя с военачальниками положение на фронтах, знал все, вплоть до положения каждого полка. Он постоянно имел при себе записную книжку, в которой ежедневно отмечал наличие войск, выпуск продукции по важным позициям и запасы продовольствия.

Говоря о просчетах И. В. Сталина в предвоенный период и в начале войны, не следует забывать и ту положительную роль, которую сыграл его личный авторитет в критические для нашей страны дни и в достижении окончательной победы...

<...> Много, очень многое делалось. И все же не хватало постоянной, повседневной готовности к войне.

К слову сказать, Сталин, по-видимому, ошибался в сроках возможного конфликта, он считал, что времени еще хватит.

Огромный авторитет И. В. Сталина, как мне думается, сыграл двойную роль. С одной стороны, у всех была твердая уверенность: Сталину, мол, известно больше, и, когда потребуются, он примет необходимые решения. С другой — эта уверенность мешала его ближайшему окружению иметь собственное мнение, прямо и решительно высказывать его. А на флотах люди были твердо убеждены: коль нет надлежащих указаний, значит, война маловероятна.

<...>

Некоторые теперь утверждают, якобы И. В. Сталин не придавал значения повышению боевой готовности Вооруженных Сил. Больше того, будто бы он просто запрещал этим заниматься. С этим я согласиться не могу. Ему, конечно, сообщали о повышенной готовности флотов и тех мерах, которые мы предпринимали в последние четыре — шесть предвоенных месяцев. По этому поводу

мы посылали доклады и оперативные сводки в правительство и Генеральный штаб и никаких возражений оттуда не получали.

Но то, что моряки не получали никаких указаний о повышении боеготовности флотов непосредственно от правительства, я отношу к большому промаху. Ведь нашу страну нельзя было считать в ту пору слабой морской державой. Не случайно в роковую ночь на 22 июня фашисты обрушились на главную базу Черноморского флота — Севастополе а также на наши морские базы Балтики и пытались вывести из строя корабли.

<...>

В последние предвоенные недели, когда немецкие самолеты стали особенно нагло появляться не только над отдельными объектами, но и над главными базами — в частности над Полярным, — я снова распорядился открывать по ним огонь, приказав такие случаи особо выделять в оперсводках для Генерального штаба. Не припомню, докладывал ли я устно об этом И. В. Сталину или В. М. Молотову, но, перечитывая сейчас донесения с флотов, нахожу среди них доклады, и в частности от командующего Северным флотом А. Г. Головки, о том, что зенитные батареи открывают огонь по немецким самолетам, летающим над нашими базами. Кстати говоря, Сталин, узнав о моем распоряжении, ничего не возразил, так что фактически в эти дни на флотах уже шла война в воздухе: зенитчики отгоняли огнем немецкие самолеты, а наши летчики вступали с ними в схватки на своих устаревших «чайках». Формулу «Не позволять чужим самолетам летать над нашими базами и вместе с тем не поддаваться провокациям» они понимали правильно: глупо заниматься уговорами бандита, когда он лезет в твой дом.

После одного из таких случаев меня вызвали к Сталину. В кабинете кроме него сидел Берия, и я сразу понял, откуда дует ветер.

Меня спросили, на каком основании я отдал распоряжение открывать огонь по самолетам-нарушителям.

Я пробовал объяснить, но Сталин оборвал меня. Мне был сделан строгий выговор и приказано немедленно отменить распоряжение. Пришлось подчиниться.

Главный морской штаб дал 29 марта директиву: «Огня не открывать, а высылать свои истребители для посадки самолетов противника на аэродромы».

Результаты нетрудно было предвидеть. Немцы, чувствуя, что мы осторожничаем, стали вести себя еще более вызывающе.

5 апреля очередной фашистский разведчик появился над Либавой. В воздух поднялись наши истребители. Они начали «приглашать» фашиста на посадку. Он, конечно, не подчинился. Наши самолеты дали, как требовало того предписание, двадцать предупредительных выстрелов. Разведчик ушел, а германское посольство в Москве заявило протест: дескать, обстреляли мирный самолет, летавший «для метеорологических наблюдений» ...

<...> Все это нельзя было считать случайным стечением обстоятельств.

Я пригласил к себе контр-адмирала В. А. Алафузова — он замещал уехавшего на Черное море адмирала И. С. Исакова. Не прервать ли учение в районе Одессы? Но одно соображение удержало нас: флот, находящийся в море в полной фактической готовности, не будет застигнут событиями врасплох. Это было 16 или 17 июня. Уже ползли слухи о том, якобы Черчилль и Рузвельт прислали Сталину телеграммы, предупреждая его о готовящемся нападении немцев.

Я видел И. В. Сталина 13 или 14 июня. То была наша последняя встреча перед войной. Доложил ему свежие разведывательные данные, полученные с флотов, сказал о большом учении на Черном море, о том, что немцы фактически прекратили поставки для крейсера «Лютцов». Никаких вопросов о готовности флотов с его стороны не последовало. Очень хотелось доложить еще о том, что немецкие транспорты покидают наши порты, выяснить, не следует ли ограничить движение советских торговых судов в водах Германии, но мне показалось, что мое дальнейшее присутствие явно нежелательно.

Для меня бесспорно одно: И. В. Сталин не только не исключал возможности войны с гитлеровской Германией, напротив, он такую войну считал весьма вероятной и даже, рано или поздно, неизбежной. Договор 1939 года он рассматривал лишь как отсрочку, но отсрочка оказалась значительно короче, чем он ожидал.

У него, конечно, было вполне достаточно оснований считать, что Англия и Америка стремятся столкнуть нас с Германией лбами. Такая политика западных держав не являлась секретом, и на этой почве у Сталина росло недоверие и неприязнь к ним. Все сведения о действиях Гитлера, исходившие от англичан и американцев, он брал под сомнение или даже просто отбрасывал. Так относился он не только к сообщениям из случайных источников, но и к донесениям наших официальных представителей, находившихся

в этих странах, к заявлениям государственных деятелей Англии и Америки.

«Если англичане заинтересованы в том, чтобы мы воевали с Германией, значит, все, что говорится о возможности близкой войны, сфабриковано ими» — таким приблизительно представляется мне ход рассуждений И. В. Сталина.

Он, конечно, понимал, что отрезвить агрессора можно только готовностью дать ему достойный ответ — ударом на удар. Агрессор поднимает кулак, значит, надо показать ему такой же кулак.

Кулаком Гитлера были дивизии, сосредоточенные на нашей границе. Значит, нашим кулаком могли стать советские дивизии. Но совершенно недостаточно только иметь дивизии, танки, самолеты, корабли. Необходима их высокая боевая готовность, полная готовность всего военного организма, всего народа, всей страны.

Убедившись в том, что его расчеты на более позднюю войну оказались ошибочными, что наши Вооруженные Силы и страна в целом к войне в ближайшие месяцы подготовлены недостаточно, И. В. Сталин старался сделать все возможное, что, по его мнению, могло оттянуть конфликт, и вести дело так, чтобы не дать Гитлеру никакого повода к нападению, чтобы не спровоцировать войну.

<...>

Позднее я узнал, что Нарком обороны и начальник Генштаба были вызваны 21 июня около 17 часов к И. В. Сталину. Следовательно, уже в то время под тяжестью неопровержимых доказательств было принято решение: привести войска в полную боевую готовность и в случае нападения отражать его. Значит, все это произошло примерно за одиннадцать часов до фактического вторжения врага на нашу землю.

Не так давно мне довелось слышать от генерала армии И. В. Тюленева — в то время он командовал Московским военным округом, — что 21 июня около 2 часов дня ему позвонил И. В. Сталин и потребовал повысить боевую готовность ПВО.

Это еще раз подтверждает: во второй половине дня 21 июня И. В. Сталин признал столкновение с Германией если не неизбежным, то весьма и весьма вероятным. Это подтверждает и то, что в тот вечер к И. В. Сталину были вызваны московские руководители А. С. Щербаков и В. П. Пронин. По словам Василия Прохоровича Пронина, Сталин приказал в эту субботу задержать секретарей райкомов на своих местах и запретить им выезжать

за город. «Возможно нападение немцев», — предупредил он. Очень жаль, что оставшиеся часы не были использованы с максимальной эффективностью...

<...>

В Москве рассвет наступил несколько раньше. В 3 часа было уже все видно. Я прилег на диван, пытаюсь представить себе, что происходит на флотах. Глуховатый звонок телефона поднял меня на ноги.

— Докладывает командующий Черноморским флотом. По необычайно взволнованному голосу вице-адмирала Ф. С. Октябрьского уже понимаю — случилось что-то из ряда вон выходящее.

— На Севастополь совершен воздушный налет. Зенитная артиллерия отражает нападение самолетов. Несколько бомб упало на город...

Смотрю на часы. 3 часа 15 минут. Вот когда началось... У меня уже нет сомнений — война!

Сразу снимаю трубку, набираю номер кабинета И. В. Сталина. Отвечает дежурный:

— Товарища Сталина нет, и где он, мне неизвестно.

— У меня сообщение исключительной важности, которое я обязан немедленно передать лично товарищу Сталину, — пытаюсь убедить дежурного.

— Не могу ничем помочь, — спокойно отвечает он и вешает трубку.

А я не выпускаю трубку из рук. Звоню маршалу С. К. Тимошенко. Повторяю слово в слово то, что доложил вице-адмирал Октябрьский.

— Вы меня слышите?

— Да, слышу.

В голосе Семена Константиновича не звучит и тени сомнения, он не переспрашивает меня. Возможно, не я первый сообщил ему эту новость. Он мог получить подобные сведения и от командования округов.

Говорить Наркому обороны о положении на флотах, об их готовности сейчас не время. У него хватает своих дел.

Еще несколько минут не отхожу от телефона, снова по разным номерам звоню И. В. Сталину, пытаюсь добиться личного разговора с ним. Ничего не выходит. Опять звоню дежурному:

— Прошу передать товарищу Сталину, что немецкие самолеты бомбят Севастополь. Это же война!

— Доложу кому следует, — отвечает дежурный. Через несколько минут слышу звонок. В трубке звучит недовольный, какой-то раздраженный голос:

— Вы понимаете, что докладываете? — Это Г. М. Маленков.

— Понимаю и докладываю со всей ответственностью: началась война.

Казалось, что тут тратить время на разговоры! Надо действовать немедленно: война уже началась!

Г. М. Маленков вешает трубку. Он, видимо, не поверил мне. Кто-то из Кремля звонил в Севастополь, перепроверял мое сообщение.

Разговор с Маленковым показал, что надежда избежать войны жила еще и тогда, когда нападение уже совершилось и на огромных пространствах нашей Родины лилась кровь. Видимо, и указания, данные Наркому обороны, передавались поэтому на места без особой спешки, и округа не успели их получить до нападения гитлеровцев.

После звонка Маленкова я все-таки надеялся, что вот-вот последуют указания правительства о первых действиях в условиях начавшейся войны. Никаких указаний не поступало.

Я на свою ответственность приказал передать флотам официальное извещение о начале войны и об отражении ударов противника всеми средствами, на основании этого Военный совет Балтийского флота, например, уже в 5 часов 17 минут 22 июня объявил по флоту: «Германия начала нападение на наши базы и порты. Силой оружия отражать всякую попытку нападения противника».

В тот момент, конечно, следовало уже не только «отражать попытки нападения», а наносить ответные удары по врагу. Но флот не мог этого делать один, нужны были согласованные планы, единое руководство в масштабе всех Вооруженных Сил.

<...>

Нетрудно представить себе состояние И. В. Сталина перед лицом грозных событий, которые, по его расчетам, должны были произойти гораздо позже, возможность которых теперь, в 1941 году, он упорно отрицал вплоть до самых последних дней.

Его состояние передалось тем, кто его окружал, и они не смогли взять в свои руки рычаги управления. Эти люди не умели самостоятельно действовать, а умели лишь выполнять волю Сталина, стоявшего над ними. Такова трагедия тех часов... В ту пору у нас

обнаружилось немало и других ошибок, так что не станем списывать все за счет «неправильной оценки положения Сталиным». Ему — свое, нам — свое.

<...>

Поздно вечером 23 июня я был приглашен к Сталину. Это был первый вызов с начала войны. Машина подошла к подъезду в тупике, где всегда было тихо и безлюдно. Только узкому кругу лиц было известно, как подняться на второй этаж и по ковровой дорожке пройти в приемную Сталина.

Оставив фуражку в гардеробе первого этажа, я вошел в лифт и поднялся наверх. В приемной никого не было. Значит, все уже в кабинете, решил я, и поспешил справиться у А. Н. Поскребышева, можно ли пройти. Как всегда, над его столом висела фотография Сталина в буденновском шлеме времен обороны Царицына. Внешне все оставалось по-старому.

Я мысленно готовился доложить о нормальном развертывании флотов, наступлении немцев на Либаву и подготовке Черноморского флота к операции по обстрелу Констанцы.

В кабинете Сталина кроме членов политбюро находился Нарком обороны. На столе развернуты карты. Как я понял, речь шла о строительстве оборонительных рубежей в районе Вязьмы.

Завидев меня, Сталин попросил доложить о положении на флотах. Выслушав, удовлетворенно кивнул: хорошо.

В это время донесли о приближении вражеских самолетов. Все встали и вопросительно посмотрели на Сталина.

— Что ж, придется прервать работу, — сказал он. Все уселись в машины и направились в еще не совсем готовое помещение на станции метро «Кировская». При мне Сталину передавались донесения с командного пункта ПВО. Командующий противовоздушной обороной Москвы генерал-майор М. С. Громадин пережил тяжелые минуты. Он докладывал о всех принятых с его стороны мерах, а самолеты приближались... Вскоре оказалось, что самолеты — наши. Тревога была ложной. В газетах на следующий день об этой тревоге писалось как об учебной. Работники ПВО Москвы, как мне известно, тяжело переживали ошибку, но по указанию Сталина никто не был привлечен к серьезной ответственности.

<...>